

УДК 314.156; 314.174

ВОРОНОВ Виктор Васильевич — д.соц.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; voronov@isras.ru)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ, ЭТНИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. В статье проводится исследование статистики и динамики национально-этнического состава населения 3 регионов (Тюменского, Нижегородского и Краснодарского), изучаемых в рамках проекта РНФ, за последние 5 лет (2010–2014 гг.). Автор использует данные территориальных органов государственной статистики, а также вторичные данные социологических исследований, которые проводились в этих регионах. Основная цель работы – определить возможности и ограничения в упрочении российской идентичности живущих в ней разных народов на основе демографических, этнических и социальных факторов. Основным результатом работы является утверждение, что при принятии стратегических социально-экономических, политико-правовых проектов и программ развития страны необходимо учитывать их демографический и этнический аспекты.

Ключевые слова: демография, миграция, этносы, регионы, социальная политика

Введение. Для реализации государственной задачи консолидации полиэтнического пространства России в региональном аспекте необходимо понять объективные и субъективные причины межэтнического согласия или локальной социальной напряженности, межнациональных конфликтных ситуаций в тех или иных регионах страны, чтобы сформировать адекватные демографические, этнические, социально-экономические и политико-правовые условия для равных возможностей, равных прав и обязанностей всех народов, проживающих на данной территории. Здесь встает серьезная научная проблема, связанная с судьбой и ролью русского народа в деле сохранения целостности территории страны и равного доступа к имеющимся в ней ресурсам. В условиях рынка присущие этому государствообразующему народу ценности традиционного трудового общества (коллективизм, семья, терпимость, социальная справедливость и равенство в отношении между людьми и др.) подавляются и искажаются, а ценности рыночного потребительского общества (индивидуализм, прагматизм, стяжательство, неравенство и др.), чуждые ему, получают широкое распространение. При этом к ценностям рынка, его сфере обмена достаточно легко адаптируются, например, многие народы Средней Азии, Кавказа и др., где в силу исторических условий сложилось отношение к торговле как к одному из наиболее уважаемых дел. Однако апология существующей ситуации повышает уровень социальной напряженности и способствует возникновению межнациональных конфликтных ситуаций в обществе, ибо причины таких ситуаций коренятся не в самих этнических группах, а в той социальной практике, в которой они взаимодействуют. Сфера обмена в России обходится ограниченным числом занятых, а сфера производства, подорванная за десятилетия реформ, несмотря на отдельные позитивные примеры и ситуации, не может предложить квалифицированные рабочие места всем нуждающимся, не может стать местом реализации способностей значительной части экономически активного населения. Поскольку более 2/3 населения страны – русские, то они и были массово представлены в производстве – в аграрном и индустриальном секторах, где череда трансформаций и смены собственности породила именно у этой этнической группы определенный уровень социальной апатии и отчуждения от государства, замыкание своей активности на текущих проблемах семьи, здоровья, выживания. Вместе с тем геополитические интересы страны, сохранение ее целостности и ресурсов нуждаются в консолидирующей активности этой самой большой этнической группы – русского народа.

По мнению П.А. Сорокина, реформы как проявление социальной динамики не могут попираť человеческую природу данного социума и противоречить ее базовым инстинктам [Sорокин 1967]. Изменения в жизнеустройстве страны сместили систему основных ценностей советских народов и их ядра – русского народа – из духовной сферы в материальную, потребительскую сферу, попирали эту природу и противоречили кодам российской цивилизации, солидарно-трудоуой жизнелной матрице, «базовым инстинктам» (ценностям) большинства советских народов¹. Такие изменения явились основным фактором их социальной деградации, снижения жизнеспособности в течение всех последних 25 лет. Лишь обращение публичной власти к стратегическим задачам развития страны в интересах большинства населения может переломить текущую ситуацию. Различные социально-экономические меры, в т.ч. по укреплению и развитию института семьи, способны обеспечить достойное качество жизни для большинства населения, его расширенное воспроизводство, рост рождаемости, снижение смертности, обеспечить признание человеческой жизни как главной ценности трудоуого общества, его сплочение на основе исторически выработанных ценностей, поддержание значимой роли России в мире. Реализация таких задач без ведущей роли русского народа как конструктивного лидера среди других народов государства вряд ли возможна, и это вернет его действительное значение в деле консолидации народов страны для ее суверенного и устойчивого развития.

Обзор отечественных и зарубежных подходов к исследованию демографических, этнических, социальных проблем современного общества. В последнее десятилетие многие отечественные и зарубежные исследователи обращаются к взаимосвязанным демографическим, этническим, социальным проблемам современности. В этом плане заслуживает внимания критический анализ недостаточно проработанной стратегии и тактики государственной демографической и миграционной политики России, не в полной мере соответствующей национальным интересам страны [Рыбаковский 2015]. Коллективное исследование миграционных процессов в России, наряду с уточнением понятийного аппарата проблематики, большое внимание уделяет характеру и особенностям внутренних безвозвратных миграций, разного рода временных миграций, особенно трудовых. Актуальность миграционных проблем обусловлена базовыми геополитическими интересами страны, обеспечением безопасности государства и необходимостью повышения уровня заселенности страны [Миграционные процессы... 2014: 227]. С этих же позиций рассматриваются исследователями и этнические проблемы современной России в общенациональном и региональном аспектах. Отмечается, что на смену локальным этническим конфликтам пришли «блоковые» конфликты, носителями которых выступают акторы, выполняющие внешний заказ и имеющие широкую геополитическую или международную субъектность. Это меняет специфику понимания текущих и будущих региональных этнических конфликтных процессов, что требует дополнительного их научного изучения и прогнозирования [Этнические проблемы...2008: 9]. Отдельные ученые из стран ближнего зарубежья исследуют особенности этносоциальной адаптации выходцев из других стран на основе социально-экономического, этнического, языкового, правового, ментального факторов, а также характера расселения на территории страны. В результате формулируется вывод о значимости всех указанных факторов для процесса «приживаемости» выходцев из других стран, о наиболее заметной их адаптации в экономической сфере – сфере рыночного обмена, торговли [Сакума 2014: 97, 105]. Другие ученые на основе анализа большого массива западных этносоциальных исследований рассматривают проблемы идентичностей этнических меньшинств и классифицируют их в рамках двух научных традиций. Согласно первой, идентичности малых этнокультурных групп рассматриваются исходя из того, способствуют ли они утверждению гражданской солидарности в рамках национального

¹ Коды российской цивилизации включают в себя: особую роль государства и православия в консолидации ресурсов, территории; социокультурный и религиозный плюрализм как проявление уживчивости и терпимости народа; коллективизм в хозяйственной сфере в разных формах его организации; острое чувство социальной справедливости и равенства в отношениях между людьми.

государства, невзирая на их социально-классовые, этнокультурные, религиозные отличия от доминирующих этнокультурных групп. При этом идентичности этнических меньшинств исследуются лишь как объект политики национальной интеграции. Согласно второй, провозглашается равенство прав людей на социальный выбор и способы осуществления этого выбора, что означает не только признание обществом индивидуального права выбора меньшинствами своей идентичности — признается и легитимность коллективных продуктов этого выбора, если он совершается в соответствии с принципами либеральной демократии [Волков 2015]. Либеральные модели мультикультурализма и толерантности не выдержали проверку временем в странах Западной Европы (ситуация локальных межнациональных конфликтов осенью 2015 г. в связи с массовым потоком в Евросоюз вынужденных мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки). Для России такой опыт имел бы, возможно, более печальные последствия, поэтому либеральный мультикультурализм и толерантность вряд ли могут выступать адекватными инструментами консолидации полиэтнической территории страны. Российские исследователи считают, что происходящие трансформации этнического состава населения оказывают значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны и являются серьезным вызовом для ее будущего. К ним относят скорость процессов преобразования, усложнение структуры этнической идентичности, активность внешней и внутренней трудовой миграции разных этнических групп, концентрацию представителей диаспор в региональных центрах и столицах и др. [Сафронов 2015]. При анализе территориальных сдвигов в составе этнического пространства России отдельные авторы выделяют такие основные компоненты, как:

1) «русское мегаядро» (в этническом составе населения более 80% составляют русские), соответствующее в целом территориальным границам «русских» областей и краев, которые в большинстве своем относятся к Нечерноземной зоне, мало привлекательной в социально-экономическом плане;

2) «национальные регионы», сильно дифференцированные по удельному весу в населении страны и доле титульных этносов (от 95,1% чеченцев в Чечне, до 0,9% евреев в Еврейской автономной республике);

3) переходные «этноконтактные зоны», структура которых после 1991 г. значительно усложнилась [Сафронов 2015: 140].

Другие авторы отмечают, что в современном обществе углубляются противоречия между политической, культурной и экономической идентичностью индивидов и социальных групп. Сокращается «линейка» исторически общепризнанных идентификационных (празднично-обрядовых) символов государства, что свидетельствует о продолжающемся этнокультурном идентификационном кризисе как процессе поиска и становления новой российской идентичности [Когатко, Тхакахов 2010: 81]. Все названные выше мнения подтверждают сложность и многообразие этнического феномена в современной России, трудности его исследования.

Методы исследования. Работа опирается на данные общероссийской и территориальной статистики разных лет, вторичные социологические исследования, сравнительный анализ, многофакторность как методологический принцип анализа социальных процессов. Следует также отчетливо понимать, что подходить к событиям и явлениям следует материалистически и оценивать их во взаимодействии, учитывая, что все они связаны между собой и взаимно влияют друг на друга.

Основные результаты исследования. Рассмотрим текущее состояние обследуемых регионов в демографическом и миграционном аспектах. По данным статистики в 2 из 3 анализируемых регионах — Тюменском и Краснодарском — отмечается устойчивый рост населения (0,5–1,2% в год), а в третьем — Нижегородской обл. — наоборот, устойчивое снижение населения (0,2–0,5% в год) (см. табл. 1).

В качестве сравнения представим численность населения на этих территориях России по переписи 1897 г., чтобы представить картину укорененности за более чем вековой период тех или иных этнических групп на обследуемых территориях, отдавая себе отчет, что их границы, а следовательно, число их жителей не совпадают

Таблица 1

Численность населения в обследуемых регионах на начало года, тыс. чел.*

Регионы	Годы					
	2002	2010	2011	2012	2013	2014
Тюменский регион, в т.ч.:	3 265	3 379	3 405	3 459	3 511	3 546
– Тюменская область (без автономных округов)	1 325	1 339	1 343	1 362	1 385	1 409
– Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)	1 433	1 521	1 537	1 561	1 584	1 597
– Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	507	525	537	542	540	540
Краснодарский край, в т.ч.:	5 125	5 230	5 284	5 330	5 404	5 429
– Республика Адыгея	447	440	443	445	446	448
Нижегородская область	3 524	3 308	3 297	3 290	3 281	3 276

* Источник: Мировой атлас данных. Российская Федерация. Доступ: <http://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация> (проверено 18.09.2015).

полностью с текущими значениями. В Нижегородской губернии тогда проживали 1 млн 585 тыс. чел., в Кубанской области – 1 млн 919 тыс. чел., в Тобольской губернии – 1 млн 433 тыс. чел. [Менделеев 1906: 20–21]. По национальному составу эти территории распределялись следующим образом: доля русских (великороссов) в Тобольской (89%) и Нижегородской (93%) губерниях прежде была выше нынешних значений, а вот в Кубанской области доли малороссов (украинцев) – 47% и великороссов (русских) – 43% были почти равными и составляли вместе 90% при перевесе численности первых над вторыми в 93 тыс. чел. [Менделеев 1906: 40–41].

В настоящее время национальности более сложно структурированы из-за роста национального самосознания народов России в течение всего XX в., а также обретения многими из них своей государственности, административно-территориальной автономии и других причин. Представим распределение национальностей в обследуемых регионах по данным переписей 2002 и 2010 гг. (см. табл. 2–4).

Численность населения, ее рост был и остается для России одним из важных факторов развития страны наряду с «приживаемостью» ее полиэтнического населения. России не хватало раньше и не хватает сейчас населения для освоения своей обширной территории: по геоэкономическим и геополитическим условиям развития страна нуждается в более чем 300–400 млн чел. населения. Можно согласиться с мнением, что выход из трудного демографического положения в России и ее дальнейшее развитие в этом аспекте возможны лишь при комплексном подходе: стимулировании роста рождаемости, уменьшении смертности, привлечении мигрантов, рассмотрении человеческой жизни как главной ценности государства. И в соответствии с этим следует разрабатывать меры демографической политики в целом и миграционной политики в частности [Миграционные процессы... 2014: 117–118]. В результатах переписей 2002–2010 гг. проявилась тенденция множественной, или не вполне определенной этнической идентичности. Например, множественность этнической идентичности татар, коми и др., неопределенность этнической идентичности казаков и др. Этими тенденциям присуща быстрая смена в условиях геополитической нестабильности и, наоборот, мобилизация в

Таблица 2

Распределение населения по национальностям в Тюменском регионе по данным переписей населения*

Тюменская область (включая ХМАО и ЯНАО)	2002		2010	
	чел.	%	чел.	%
Все население:	3 264 841		3 395 755	
В т.ч. указавшие национальность:	3 264 841	100	3 207 952	100
русские	2 336 520	71,5	2 352 063	73,3
татары	242 325	7,4	239 995	7,5
украинцы	211 372	6,5	157 926	4,9
башкиры	46 575	1,4	46 405	1,4
азербайджанцы	42 359	1,4	43 610	1,4
ненцы	27 965	0,9	31 621	1,0
ханты	26 694	0,8	29 277	0,9
белорусы	35 996	1,1	25 648	0,8
немцы	27 196	0,8	20 723	0,6
чуваши	30 205	0,9	25 690	0,8
казахи	18 639	0,6	19 146	0,6
молдаване	17 938	0,6	15 806	0,5
армяне	14 802	0,4	15 542	0,5
манси	10 561	0,3	11 614	0,4
лица других национальностей	175 324	5,4	173 374	5,4

* Источник: Данные переписи населения Российской Федерации в 2002 и 2010 гг. Доступ:<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (проверено 21.09.2015).

Таблица 3

Распределение населения по национальностям в Нижегородской области по данным переписей населения*

Нижегородская область	2002		2010	
	чел.	%	чел.	%
Все население:	3 524 028		3 310 597	
В т.ч. указавшие национальность:	3 522 561	100	3 268 248	100
русские	3 346 398	95,0	3 109 661	95,1
татары	50 609	1,4	44 103	1,4
мордва	25 022	0,7	19 138	0,6
украинцы	24 241	0,7	17 657	0,5
армяне	11 364	0,3	13 294	0,4
чуваши	10 786	0,3	9 765	0,3
азербайджанцы	8 309	0,2	8 494	0,3
марийцы	7 757	0,2	6 415	0,2
лица других национальностей	8 831	1,2	39 721	1,2

* Источник: Данные переписи населения Российской Федерации в 2002 и 2010 гг. Доступ:<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (проверено 21.09.2015).

Таблица 4

**Распределение населения по национальностям в Краснодарском крае,
в т.ч. Республике Адыгея, по данным переписей населения***

Краснодарский край	2002		2010	
	чел.	%	чел.	%
Все население:	5 125 221		5 226 647	
В т.ч. указавшие национальность:	5 112 031	100	5 124 990	100
русские	4 436 272	86,8	4 522 962	88,3
армяне	274 566	5,4	281 680	5,5
украинцы	131 774	2,4	83 746	1,6
греки	26 540	0,5	22 595	0,4
татары	25 589	0,5	24 840	0,5
белорусы	26 260	0,5	16 890	0,3
грузины	20 500	0,5	17 826	0,3
адыгейцы	15 821	0,3	13 834	0,3
азербайджанцы	11 944	0,2	10 165	0,2
немцы	18 469	0,4	12 171	0,2
цыгане	10 873	0,2	12 920	0,3
турки	13 496	0,2	8 527	0,2
курды	4 446	0,1	5 899	0,1
молдаване	6 537	0,1	5 170	0,1
шапсуги	3 213	0,1	3 839	0,1
лица других национальностей	82 803	1,6	81 768	1,6
Республика Адыгея				
Все население:	447 109		439 996	
В т.ч. указавшие национальность:	445 306	100	425 386	100
русские	288 280	64,7	270 714	63,6
адыгейцы	108 115	24,3	107 048	25,2
армяне	15 268	3,4	155 61	3,7
украинцы	9 091	2,0	5 856	1,4
курды	3 631	0,8	4 528	1,1
черкесы	642	0,0	2 651	0,6
татары	2 904	0,6	2 571	0,6
цыгане	1 844	0,4	2 364	0,5
лица других национальностей	16 960	3,8	14 610	3,3

* *Источник:* Данные переписи населения Российской Федерации в 2002 и 2010 гг. Доступ: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (проверено 21.09.2015).

случае возникновения конфликтных ситуаций. Интерпретация таких тенденций нуждается в новых теоретических концепциях, объясняющих функции этничности, современные способы ее мобилизации и культивирования [Сафронов 2015: 139]. Четкая этническая идентификация есть в тех регионах страны, где сильны

позиции традиционной культуры, где этническая идентичность – политическое средство мобилизации населения в отстаивании своих социально-экономических интересов и сохранении культурной самобытности. Для этого используется целенаправленная политика внутренней и внешней миграции как средство привлечения титульных народов в свои регионы, в т.ч. из-за пределов России. В этом аспекте можно выделить 3 группы национальных субъектов в составе России по особенностям преобразования этнической структуры населения за последние десятилетия. Первая группа – республики Северного Кавказа, Калмыкия, Тува, где идет быстрое уменьшение доли русскоязычного населения, его выдавливание, что усиливает сохранение традиционных для титульного этноса практик и институтов жизнедеятельности. Вторая группа – республики и автономные округа севера Европейской части, Урала, Поволжья, где естественная убыль коренного (титульного) населения сочетается с ассимиляционными процессами, способствующими незначительному росту доли в населении (до того уже значимой) славянских этносов: русских, украинцев, белорусов. Особняком в этой группе представлена динамика двух республик – Татарстана и Башкортостана, где проживают сопоставимые по доле три этноса: татары (24,8%), башкиры (28,8%), русские (35,2%). Последние тенденции изменений в этнической структуре населения этих республик исследователи связывают с влиянием административного фактора при проведении последних переписей. Третья группа – республики и регионы азиатской части страны (Алтай, Бурятия и др.), где происходит заметный и устойчивый отток русскоязычного населения из-за экономических причин – снижения доходов и занятости. Для этих регионов характерно сочетание разных типов этнической идентичности, в т.ч. множественной [Стрелецкий 2011: 146-148].

Текущая динамика миграционных процессов в стране также обусловлена в основном экономическими причинами, хотя нельзя сбрасывать со счетов и другие причины (политические, этнические и т.д.). Трудовая миграция, относящаяся к типу экономической миграции, стала важным амортизатором социального недоверья экономически активного населения страны и ее регионов. При этом чем выше различия в уровнях экономического развития регионов, тем более односторонним является характер миграционного обмена между ними, принимающий вид отношений: «регионы – миграционные доноры» и «регионы – миграционные реципиенты» [Ромашкина, Давыденко 2014]. Тюменский регион по темпам роста промышленного производства входит в число наиболее успешных в стране: в 2014 г. индекс физического объема промышленного производства в целом по России составил 101,7%, а в Тюменском регионе – 112,9%. При этом рост демонстрирует не только сектор добычи углеводородов, но и инфраструктурные производства: строительство, производство стройматериалов, машиностроение, металлургия, пищевая промышленность. Это способствует перемещению рабочей силы из одних отраслей региона в другие и ее притоку из других регионов. Два автономных округа Тюменского региона – ХМАО и ЯНАО – являются трудодефицитными территориями – реципиентами межрегиональной миграции федерального уровня, привлекающими население других регионов России, включая северокавказские республики, а также страны Средней Азии высоким заработком и карьерными возможностями для молодых специалистов. Эти территории выступают адекватным индикатором социально-экономического благополучия для других регионов России (в аспектах уровня заработной платы и социально-экономических условий жизни).

Краснодарский край с находящейся внутри его территории Республикой Адыгея также является федеральным межрегиональным миграционным реципиентом. Тюменская же область без указанных автономных округов (юг области) и Нижегородская область являются локальными межрегиональными миграционными реципиентами, привлекающими и теряющими население прилегающих к ней территорий своими достаточно высокими показателями соотношения доходов с прожиточным минимумом и низкого уровня безработицы. Другие регионы страны, особенно северо-западные (кроме Ленинградской области и Санкт-Петербурга), Сибирь и Дальний Восток, а также депрессивные территории европейской части

страны, Предуралья, Северного Кавказа (для населения которых характерны низкие доходы и высокий уровень безработицы), являются в отношении этих регионов миграционными донорами [Миграционные процессы... 2014: 203].

Кроме внутрирегиональных и межрегиональных миграционных потоков, Тюменский регион имеет и активные внешние миграционные потоки. Например, в Тюменский регион в 2010–2014 гг. внешние трудовые мигранты приезжали в основном из Средней Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) — от более 2 тыс. чел. (2010 г.) до более 6 тыс. чел. (2014 г.). С Украины поток добровольных мигрантов в 2010–2013 годах был небольшой (300–400 чел. в год), но в 2014 г. он резко возрос в 3 раза (1 282 человека), что можно объяснить вынужденной миграцией людей из-за начавшейся гражданской войны на Украине¹. Из других стран заметное число внешних легальных трудовых мигрантов в Тюменский регион прибыли в 2014 г. из Китая (285 чел.) и Сербии (350 чел.), но обратно в Сербию выехали в том же году 441 чел., что можно объяснить сезонной внешней трудовой миграцией.

В качестве одного из регионов-реципиентов для Тюменской области выделяется Краснодарский край, в который за 5 последних лет из северных округов выехало более 17 тыс. чел. из ХМАО и более 7 тыс. чел. из ЯНАО. Краснодарский край фактически стал не только значимой российской территорией, благоприятной для проживания населения, но и в социально-экономическом плане — территорией активного развития сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Работники Тюменского региона везут свои доходы и пенсии в Краснодарский край, обеспечивая там платежеспособный спрос, способствуя в определенной мере развитию его региональной экономики. Надо отметить, что пространственное мозаичное развитие капитализма в России демонстрирует значительные темпы в крупнейших городах страны, где концентрируются рабочая сила («производители») и население («потребители»). Такие условия способствуют привлечению дополнительной трудовой миграции в мегаполисы, но формируют демографическую деградацию периферийных по отношению к мегаполисам территорий страны.

Сделаем некоторые выводы. Результативность демографической политики в истории России относительно позитивно может восприниматься лишь в советском периоде, когда страна имела один из самых низких в мире показателей общей смертности населения, показатель общей рождаемости был на уровне расширенного воспроизводства населения, средняя продолжительность жизни достигла 69 лет для обоих полов. В настоящее время эти показатели снизились, кроме последнего. Поэтому при принятии стратегических социально-экономических, политико-правовых проектов и программ развития страны необходимо учитывать их демографический аспект.

Трудовую межрегиональную миграционную ситуацию в стране за последние 10–14 лет можно охарактеризовать как нестабильную внешнюю и слабо управляемую государством внутреннюю. Последнее связано с тем, что основные миграционные реципиенты расположены в европейской части России (кроме Тюменского региона). В результате складываются 2 негативные тенденции: отток населения с окраин и периферии огромных территорий страны и, наоборот, концентрация населения в главных мегаполисах и прилегающих территориях. При реализации мобилизационной экономики в условиях растущего внешнего давления на страну эти тенденции могут обернуться большой государственной проблемой в оптимизации размещения производства и производительных сил на всей территории страны.

Усиление рыночных отношений в России ведет к росту социальной напряженности, разобщенности территорий и населения, подрыву консолидирующей роли в стране русского народа, ослаблению его социальной активности. Основные причины этого — негативные тенденции в рождаемости, семейно-брачных отношениях, доходах, динамике квалифицированных рабочих мест, которые в немалой

¹ *Демографический ежегодник (2011–2015)*: статистический сборник. В 3 ч. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. 2015. Ч. I, II, III.

степени порождаются существующей демографической, миграционной, семейной, экономической политикой государства.

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 15-18-00093.

Список литературы

Волков В.В. 2015. Идентичность этнических меньшинств в научной мысли Латвии в 1991–2014 гг. – *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 149-166.

Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х. 2010. *Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации*. СПб: Алетейя. 136 с.

Менделеев Д. 1906. *Къ познанию Россіи*. Съ приложеніемъ карты Россіи. Четвертое издание. С.-Петербургъ: Изданіе А.С. Суворина. 157 с.

Миграционные процессы в России (под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского). 2014. М.: Экон-информ. 383 с.

Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. 2014. Юг России и Тюменская область как основные миграционные реципиенты и доноры страны. – *Известия Волгоградского государственного технического университета*: межвуз. сб. науч. ст. № 13(140). Вып. 17. Волгоград: Изд-во ВолГТУ. С. 65-71.

Рыбаковский Л.Л. 2015. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования. – *Социологические исследования*. № 9. С. 62-70.

Сакума С.Л. 2014. *Особенности этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в Беларуси в 1980–2011 гг.* Минск: Беларуская навука. 123 с.

Сафронов С.Г. 2015. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России. – *Балтийский регион*. № 3. С. 138-153.

Стрелецкий В.Н. 2011. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры. – *Региональное развитие и региональная политика России в переходный период*. М.: Изд-во МГТУ. С. 146-176.

Этнические проблемы современности. Вып. 13. 2008. Ставрополь: Изд-во СГУ. 284 с.

Sorokin P. 1967. The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century. – *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Mar. Vol. 370. P. 99-115.

VORONOV Victor Vasil'evich, Dr.Sci.(Soc.), Professor; Leading Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35 bld. 5 off. 509 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117128; voronov@isras.ru)

THE CONNECTION BETWEEN DEMOGRAPHIC, ETHNIC AND SOCIAL POLICIES IN REGIONS OF RUSSIA

Abstract. The article is devoted to researching the statics and dynamics of the national-ethnic composition of the three regions (Tyumen, Nizhny Novgorod and Krasnodar regions) studied within the project of RSF during the last five years (from 2010 till 2014). The author uses data of the territorial authorities of the state statistics, as well as secondary data of sociological studies that had been carried out in those regions. The main aim of the work is to identify the opportunities and constraints of different nations living in the country in the consolidation of Russian identity on the basis of demographic, ethnic and social factors that reflect the current social and economic processes in the country and beyond it. The main result of the work would be the claim that while taking strategic socio-economic, political and legal projects and programs on the country's development its demographic and ethnic aspects must be taken into consideration.

Keywords: demography, migration, ethnic groups, regions, social policy